

УДК-327.7

DOI: 10.17072/2218-1067-2020-3-73-81

**ДИСКУРСИВНАЯ ФИГУРА «ДВИЖЕНИЯ» И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ
КАК ЭЛЕМЕНТЫ ОРГАНИЗАЦИИ СИМВОЛИЧЕСКОЙ КАРТЫ МИРА:
ПРИМЕР НОРМАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И ЕС**

Глеб Коцур

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация

Нормативное взаимодействие России и ЕС является не только важным фактором генезиса и реализации внешней политики Москвы и Брюсселя, но и ярким индикатором общих паттернов ценностной интеракции Запада с остальным миром. Постмарксистский дискурс-анализ на основе теории гегемонии Ш. Муффа и Э. Лаклау показывает, что формирование Евросоюзом карты символических пространств построено на историцизме и ориентализме, объединенных в фигуре «движения». Последняя представляет собой вид пространственно-временного исключения, приводящего к дискриминации государств и территорий на основе западно-центричных критериев. Однако в 2010-х гг. ситуация существенно изменилась в связи с введением в неолиберальную гегемонию ЕС категории «стрессоустойчивость» – способность государств и обществ адаптироваться к шокам и потрясениям. В трактовке Евросоюза эта концепция также напрямую увязывается с нормативной компонентой: лишь либерально-демократические государства могут быть стрессоустойчивыми. Осмысление Брюсселем своей внешней политики через данную категорию приводит к новому наполнению структуры символических пространств, когда одни страны подвергаются большему исключению, а другие – меньшему в сравнении со своей предыдущей позицией. Так, Россия из условного полупериферийного положения государства демократического транзита перемещается в разряд периферийных стран, угрожая стрессоустойчивости восточных партнеров Евросоюза. Представляется, что политика формирования Брюсселем символических пространств на основе столь идеологизированного и неинклюзивного критерия не способствует установлению эффективной коммуникации с Россией и другими странами, не относящимися к политическому Западу. Вместе с тем, подобное положение аутсайдера в официальном дискурсе ЕС порождает для РФ уникальную возможность выйти из западно-центричного историцистского паттерна.

Ключевые слова: отношения Россия – ЕС; фигура «движения»; историцизм; ориентализм; дискурс; международные нормы; идентичность; стрессоустойчивость; Европейский союз.

Введение

Нормативное взаимодействие России и Европы всегда обладало особой значимостью для самоопределения каждой из сторон этой интеракции. Так, И. Нойманн показал, что Россия являлась одним из двух главных конституирующих Других в процессе формирования единой европейской идентичности (Нойманн, 2004: 214–239). В свою очередь, исследователи отмечают европоцентричную направленность российского публичного дискурса, который остается таковым даже после кризиса в отношениях с Западом 2014 г. (Морозов, 2009; Makarychev, 2015). Взаимодействие с Европой для России – это всегда вопрос принадлежности к большому политическому проекту, самоопределения по линии «Россия (не)Европа», в соответствии с которым одни символические пространства соотносятся с другими и влияют на практический внешнеполитический курс государств. Однако эти отношения ценны для академического мира не только сами по себе, но и как индикатор нормативного взаимодействия разных стран с европейским универсализмом в более широком контексте интеракции Запада, полупериферии и периферии.

Таким образом, в рамках данной работы мы сосредоточимся на двух ключевых моментах. Во-первых, будет показано, как ЕС выстраивает нормативную структуру политической карты мира, соотнося свой универсализм с локальными ценностными ландшафтами, национальными и региональными по масштабу. Это осуществляется с помощью конкретных идеологических дискурсивных кон-

струкций, и мы остановимся на одной из самых важных – фигуре «движения». Во-вторых, мы увидим, как подобный ход реализуется в случае отношений с Россией, и какое значение в данном процессе будет иметь новая категория «стрессоустойчивость». Последняя, будучи введенной в политический дискурс Брюсселя в 2010-х гг., вносит существенные поправки и в европейское видение нормативной карты мира, и в место России на ней.

Теоретические и методологические основания исследования

В концептуальном смысле три пункта здесь видятся в качестве наиболее значимых. Первый из них касается историцизма и ориентализма. Э. Саид в своей канонической работе 1978 г. ввел в научный оборот термин «ориентализм» и дал ему сразу несколько определений. В академической среде и в сфере производства смыслов вообще это – «...стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом разделении между «Востоком» и «Западом» (Said, 1995: 3). Иными словами, данные категории посредством дискурсивных практик конституируют друг друга в качестве единых инстанций, более того, за ними закрепляются определенные характеристики. В этой связи Саид ниже определяет ориентализм «...как западный стиль [взаимодействия с Востоком], направленный на доминирование, реорганизацию и осуществление власти над Востоком...» (Said, 1995: 4). При подобном взгляде, являющимся последствием колониальной системы, восточные страны, государства и регионы всегда несут на себе отпечаток «варварства», «отсталости», недостаточной «цивилизованности» в сравнении с Западом. На нынешнем историческом этапе и ученые, и политики по понятным причинам подвергают критике любые подходы в интеллектуальной сфере и практической политике, содержащие в себе элементы ориентализма. Тем не менее, как будет показано ниже, идентификация проблемы Евросоюзом не повлекла за собой автоматическое ее решение. Схожая картина наблюдается и применительно к историцизму. После работ К. Поппера и других исследователей он также осужден академическим сообществом как чрезвычайно неинклюзивное мировоззрение (Поппер, 1993). Однако между теорией и практической политикой в этом вопросе наблюдается существенный разрыв, так как официальный дискурс Евросоюза почти полностью построен на историцизме в темпоральном смысле. Причем, как ни странно, катализатором данного процесса выступили именно академические подходы, например, концепция модернизации У. Ростоу (Rostow, 1956) или демократизации С. Хантингтона (Хантингтон, 2003). В соответствии с ними, все общества на планете проходят общие циклы развития, причем одни уже достигли определенных ступеней прогресса, а другие еще нет, но им предстоит сделать это в будущем. ЕС во взаимодействии с миром исходит из схожих предпосылок, что рисует определенную нормативную карту мира. С критикой подобного взгляда на новом этапе выступил классик постколониального направления Д. Чакрабарти. В своем труде «Провинциализация Европы» он определил историцизм как «идею, в соответствии с которой, для того, чтобы познать нечто, оно должно рассматриваться исключительно в качестве единого продукта исторического развития одновременно», где реализуется звучное кредо «Сначала на Западе, а потом где-то еще» (Chakrabarty, 2000: 6). Такой ориенталистский историцизм, когда весь незападный мир получает ярлык «еще не готов» (Chakrabarty, 2000: 8), Чакрабарти считает главной осью европоцентризма сегодня.

Второй ключевой теоретический пункт связан с категорией стрессоустойчивость, которую ЕС «рекрутировал» из экологии для поддержания описанной выше онтологии. Концепция была введена в научный оборот канадским ученым К. Холлингом в 1973 г. для обозначения способности социо-экологических систем адаптироваться после шоков и потрясений (Holling, 1973). Здесь общество и природа мыслятся в едином комплексе и проходят некие общие циклы, которые соединяются между собой именно качеством стрессоустойчивости системы. В последние десятилетия категория обрела широкую популярность и была перенесена в целый ряд научных областей от городского планирования до политической науки (Dunn Cavelti et al., 2015). Вместе с тем, в 2010-х гг. целый ряд международных организаций, западных государств и, прежде всего, ЕС стали активно использовать концепцию стрессоустойчивости в своих документах по безопасности и развитию (Романова, 2017). Ключевым нюансом трактовки Брюсселем данной категории состоит в ее ярко выраженной идеологической окраске, когда стрессоустойчивыми оказываются исключительно либерально-демократические государства.

Третий важный пункт – это теоретический и, одновременно, методологический базис работы – концепция гегемонии Ш. Муфф и Э. Лаклау. В ее рамках дискурс видится как пространство артикуляции и схватки за плавающие и пустые означающие, где связь между ними устанавливается и те-

руется при каждой новой артикуляции (Laclau & Mouffe, 2001). В свою очередь, каждая из крупных социальных сил стремится закрепить свои смыслы за ключевыми пустыми и плавающими означающими, например, «демократия», «порядок», «народ» и т.д. Главным инструментом дискурс-анализа подобного рода становится выявление логик эквивалентности и различия. Первое определяется Лаклау как «такое отношение между объектами, когда они не идентичны, но взаимозаменяемы в определенном структурном контексте» (Laclau & Mouffe, 2001: 63). Логика различия же, наоборот, работает на отделение одного объекта от другого. Применительно к нормативному взаимодействию России и ЕС схватка идет за определение демократии в широком смысле (в западной трактовке она включает в себя и права человека, и капиталистическую экономику, и определенную работу институтов, и проч.), а также пространственные плавающие означающие вроде «Европы», «России», «Запада» и т.д. (Морозов, 2009).

Итак, время и пространство соединяются воедино, а историцизм и ориентализм реализовывают себя посредством закрепления тех или иных оценок демократичности или стрессоустойчивости за разными означающими, связанными с конкретными территориями. Чем дальше от идеологического образца «западности» оказывается то или иное пространственное означающее, тем большему исключению из политического сообщества оно подвергается внутри неолиберальной гегемонии Брюсселя. Цель этой работы – вскрыть пространственно-временные механизмы включения и исключения в официальном дискурсе ЕС на примере нормативного взаимодействия с Россией и показать их изменения после активизации в нем фигуры стрессоустойчивости.

Данная статья является частью более масштабного продолжающегося исследования по изучению дискурсивных пространств России и ЕС в области демократизации в XXI в. Вся совокупность источников исследования может быть разделена на четыре группы симметричным образом для РФ и Евросоюза. Во-первых, это тексты первых лиц в широком смысле (речи, комментарии, статьи). От России в эмпирическую базу попадают выступления президента страны, от ЕС – главы Еврокомиссии как фигуры, чаще всего представляющей Брюссель в отношениях с Москвой на высшем уровне. Для всех групп источников функционирует методологический принцип отбора как минимум двух выступлений в год (там, где это возможно). Например, для президента РФ в пул попадает ежегодное Послание Федеральному собранию и наиболее значимые речи вроде Мюнхенской¹ от 2007 г. Во-вторых, важную группу источников образуют тексты глав внешнеполитических ведомств России и Евросоюза – министра иностранных дел РФ и Верховного/Высокого представителя Союза по иностранным делам и политике безопасности за указанный период. В-третьих, следующая группа сформирована за счет стенограмм дебатов в парламентах России и ЕС, а именно, нижней палаты Федерального собрания РФ (Государственной думы) и Европарламента. Наконец, в-четвертых, это ключевые документы Москвы и Брюсселя, предопределяющие стратегический вектор внешней политики. От Евросоюза в базу включены заключения и коммюнике Европейского совета и Совета ЕС, стратегии безопасности и другие системообразующие документы, которые обладают особой значимостью для отношений Брюсселя с РФ. Со стороны России в эту группу попадают преимущественно концепции внешней политики страны. В итоге эмпирическая база составлена из более 250 источников, которые тематически разделены по так называемым «фигурам» (для ее выделения требуется не менее 10 упоминаний в базе в 3 и более типах источников). Под фигурой понимается устойчивая дискурсивная конструкция, увязывающая плавающие и пустые означающие с конкретными элементами «действительности», иными словами, сравнительно гомогенные тематические сюжеты. Например, в европейском дискурсе можно встретить фигуры сотрудничества с РФ в международных институтах, фальсификации выборов и др., а в российском – фигуры модернизации в партнерстве с ЕС, нарушений прав русскоязычных меньшинств в Прибалтике и др. Одной из таких конструкций является фигура «движения», которая занимает центральное место в дискурсивной сетке за счет своего двойного функционала. Прежде всего, это самостоятельная тематическая фигура с необходимым количеством упоминаний для выделения в отдельную категорию. Кроме того, данная конструкция служит универсальным принципом работы включения и исключения для всего дискурсивного поля. Как будет показано ниже, внутри определенной знаковой системы можно находиться дальше/ближе к образцу и демократичности, и развития рыночных институтов, и соблюдения прав человека, и проч. Вот почему именно

¹ Путин, В. В. (2007) 'Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности'. *Официальный Сайт Президента России* [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 25.11.2019). [Putin, V. V. (2007) 'Speech and discussion at the Munich Conference on Security Policy' [Vystuplenie i diskussija na Mjunhenskoj konferencii po voprosam politiki bezopasnosti] *Oficial'nyj Sajt Prezidenta Rossii*] [online]. Available at: URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (Accessed: 25 November 2019).

фигура «движения» в нормативных отношениях Москвы и Брюсселя станет объектом детального рассмотрения в следующем разделе.

Дискурс-анализ нормативного взаимодействия России и ЕС

Главным элементом, посредством которого реализуется ориенталистский историцизм Евросоюза, можно назвать фигуру «движения» применительно к противоположной стороне взаимодействия. Она манифестируется особенно ярко во время нормативного взаимодействия РФ и ЕС. Суть данной дискурсивной фигуры состоит в том, что Россия при подобном взгляде предстает как стремящаяся к определенному идеологическому либеральному-демократическому образцу под надзором Евросоюза. В ходе движения Россия достигает прогресса, проходит определенные этапы, останавливается и даже откатывается назад; это не имеет значения при условии соблюдения общей оси «демократичности», «европейскости» или «цивилизованности». Так, глава Еврокомиссии того времени Р. Проди по случаю начала президентства В. Путина в 2000 г. говорит о транзитном статусе страны и рисует картину светлого будущего: «Я уверен, что Ваше президентство даст новый импульс демократическим и экономическим *трансформационным процессам*... которые *приведут* к росту и процветанию России... [только на] демократическом, процветающем и мирном континенте... Россия способна утвердить свою Европейскую идентичность...»¹. Во время движения он в менторском стиле фиксирует промежуточные успехи страны: «Я счастлив объявить, что мы даруем России статус полноценной рыночной экономики»². В терминах Ш. Муфф и Э. Лаклау, мы видим здесь работу логики эквивалентности. Опираясь на гегемонию, в рамках которой Брюсселю ранее удалось увязать пустые означающие «демократия», «Запад», «Европа» и закрепить за ними неолиберальные атрибуты прав человека, рыночной экономики и проч., дискурсивный актор в данном случае пытается осуществить частичное и потенциальное отождествление означающих «Россия», «демократия», «рыночная экономика» и в итоге – «Европа». Таким образом, мы становимся свидетелями постепенного включения в идентичность. Однако уже в 2010-х гг. работа логики различия начинает брать верх в этой сложной диалектике. К. Эштон, в тот период Верховный представитель ЕС, отмечает отступление России от условной дороги исторического прогресса во время принятия новых норм уголовного законодательства: «[Закон] может *ограничить* возможности развития гражданского общества и *увеличить* возможности для [политического] преследования»³. Во время дебатов в Европарламенте две логики эквивалентности и различия работают одновременно, создавая предпосылки и для включения, и для исключения России: «Мы открыто признаем *прогресс*, достигнутый Россией на *пути* к демократии, но... Теперь, мы видим, что события развились в другом направлении в определенных частях страны... Если Кремль *отойдет еще дальше* от демократии и верховенства закона, Россия потеряет всю легитимность как партнер ЕС»⁴. Иными словами, Россия, несомненно, идет по пути условного «правильного» развития, но в ходе движения постоянно сбивается с него. За счет этого включение не может быть осуществлено полностью. Уже после Украинского кризиса 2014 г. фигура «движения» принимает вид «соскальзывания» в прошлое, в СССР, явно или коннотативно соотносимыми с тоталитаризмом как антитезой демократии. «Даля Грибаускайте, президент Литвы, заявила в «Твиттере», что убийство «показывает, как Россия *соскальзывает* во тьму террора против своего народа». Гай Верхофстадт, лидер либеральной фракции ALDE в Европейском парламенте, сказал, что убийство является «еще более ужасным доказательством того, что Россия *скатывается* к темным временам»⁵, – такие цитаты приводит автор газеты «Politico Europe» Д. Китинг после убийства Б. Немцова в феврале 2015 г. Отметим, что фигура «движения» не прекращает свое функционирование. Общая ось

¹ Message by Commission President Romano Prodi to Vladimir Putin, President of the Russian Federation (2000) *Official Site of the European Commission* [Online]. Available at: URL: https://europa.eu/rapid/press-release_IP-00-299_en.htm (Accessed: 25 November 2019).

² EU announces formal recognition of Russia as "Market Economy" in major milestone on road to WTO membership (2002) *Official Site of the European Commission* [Online]. Available at: URL: https://europa.eu/rapid/press-release_IP-02-775_en.htm (Accessed: 25 November 2019).

³ 'EU expresses concern about Russia treason law' (2012) *VOA News* [Online]. Available at: URL: <https://www.voanews.com/europe/eu-expresses-concern-about-russia-treason-law> (Accessed: 25 November 2019).

⁴ EU-Russia summit (debate) (2011) *Official Site of the European Parliament*. [Online]. Available at: URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20110608+ITEM013+DOC+XML+V0//EN&language=EN> (Accessed: 25 November 2019).

⁵ Keating, D. (2015) 'Mass rally for murdered politician in Moscow. Russian government blames killing on other opposition forces', *Politico Europe* [Online]. Available at: URL: <https://www.politico.eu/article/mass-rally-for-murdered-politician-in-moscow/> (Accessed: 25 November 2019).

«европейскости-демократичности» остается на месте, просто означающее «Россия» все дальше отдалается от западного идеала, исключается из политического сообщества через работу различия и эквивалентности. Примечательно, что российский официальный дискурс воспринял этот модус взаимодействия; это очевидно на примере знаменитой речи В. Путина в Бундестаге 2001 г.: «...Конечно, мы находимся в начале *пути* построения демократического общества и рыночной экономики. На этом пути есть преграды и препятствия, которые нам нужно *преодолеть*...»¹. Спустя почти 10 лет в 2009 г. из программной статьи Д. Медведева явственно видно, что фигура никуда не исчезла: «Сегодня впервые в нашей истории у нас есть шанс доказать самим себе и всему миру, что Россия может развиваться *по демократическому пути*. Что *переход* страны на следующую, более высокую ступень цивилизации возможен...»². Означающие «демократия» и «цивилизация» в рамках цепочки эквивалентности приравниваются друг к другу. Россия же, по словам президента, желает быть частью данного политического сообщества, хотя и осознает свой транзитный статус.

Принципиально важно, что кейс нормативного взаимодействия России и ЕС демонстрирует собой общую модель формирования Европой символических пространств. Договор Котону от 2000 г., призванный регулировать взаимодействие Брюсселя со странами Африки, Карибского бассейна и Тихого океана, также содержит в себе фигуру «движения» по отношению ко всем этим территориям: «...кооперация должна быть направлена на развитие возможностей [этих] стран *прогрессивно адаптироваться* к новым условиям международной торговли, способствуя тем самым их *переходу* к открытой глобальной экономике...содействия институциональным *реформам и развитию*, укреплению институтов, необходимых для консолидации демократии...»³. То же самое справедливо для Турции до 2010-х гг., если проанализировать документы и соглашения на предмет стремления Анкары стать частью Евросоюза: «Европейский совет приветствует решительный *прогресс*, достигнутый Турцией в процессе ее долгосрочного *реформирования*... Чтобы обеспечить необратимость политического реформирования и его полное, эффективное и всестороннее осуществление, особенно в отношении к основным свободам и полному соблюдению прав человека, этот процесс будет находиться под пристальным наблюдением Комиссии...»⁴. Страны Восточного партнерства также находятся в движении: «Восточное партнерство несет четкий политический сигнал о необходимости поддерживать и подпитывать *реформистский курс*... Законодательное и нормативное *сближение* имеет решающее значение для тех стран-партнеров, которые стремятся добиться *прогресса* в сближении с ЕС...»⁵. Более того, даже Иран и Северная Корея, которые подвергаются постоянному исключению со стороны Брюсселя, тоже включены в общее движение, но лишь по линии международной безопасности и, метафорически, «плетутся в хвосте мировой истории»: «В то время как Ливия демонтировала свою программу производства оружия массового поражения, Ирану, а также Северной Корее, еще только *предстоит завоевать доверие* международного сообщества»⁶. Таким образом, логики эквивалентности и различия сменяют друг друга. В одних случаях, например, Турции 1990–2000-х гг., отождествление означающих почти полное, так как фигура «движения» реализуется успешно. Другие страны движутся медленнее, и здесь располагаются государства Договора Котону и Россия. Третьи же – Иран, Северная Корея – или остановились в развитии по рассматриваемой оси, или вовсе дрейфуют в обратном направлении. В данном случае логика различия господствует практически тотально в сравнении с

¹ Путин, В. В. (2001) 'Выступление в бундестаге ФРГ'. *Официальный Сайт Президента России* [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21340> (дата обращения: 25.11.2019). [Putin, V. V. (2001) 'Speech in the German Bundestag' [Vystuplenie v bundestage FRG] Oficial'nyj Sajt Prezidenta Rossii] [online]. Available at: URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21340> (Accessed: 25 November 2019)].

² Медведев, Д. А. (2009) 'Россия, вперед!' *Официальный Сайт Президента России* [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/5413> (дата обращения: 25.11.2019). [Medvedev, D. A. (2009) 'Russia, move forward!' [Rossija, vperjod!'] Oficial'nyj Sajt Prezidenta Rossii] [online]. Available at: URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/5413> (Accessed: 25 November 2019)].

³ The Cotonou Agreement and multiannual financial framework 2014–20 (2000) *Official Site of the European Parliament* [Online]. Available at: URL: http://www.europarl.europa.eu/intcoop/acp/03_01/pdf/mn3012634_en.pdf (Accessed: 25 November 2019).

⁴ Council of the European Union: Presidency Conclusions (2005) *European Sources Online* [Online]. Available at: URL: <https://www.europeansources.info/record/european-council-brussels-16-17-december-2004-presidency-conclusions/> (Accessed: 25 November 2019).

⁵ Joint Declaration of the Prague Eastern Partnership Summit Prague (2009) // *Official Site of the Council of the EU and the European Council* [Online]. Available at: URL: https://www.consilium.europa.eu/media/31797/2009_eap_declaration.pdf (Accessed: 25 November 2019).

⁶ Report on the Implementation of the European Security Strategy (2008) *Official Site of the Council of the EU and the European Council* [Online]. Available at: URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/reports/104630.pdf (Accessed: 25 November 2019).

логикой эквивалентности. Сведя все результаты действия фигуры «движения» по отношению к разным странам воедино, мы получаем историцистскую и ориенталистскую нормативную карту мира, где Запад находится уже в пункте назначения, полупериферия – в процессе достижения заветной цели, а периферия мир-системы стоит на месте (или медленно дрейфует то в одну сторону, то в другую).

В 2010-х гг. форма фигуры и некоторые ее параметры начали существенно меняться в связи с введением новой категории стрессоустойчивости в неолиберальную гегемонию ЕС. Она стала лейтмотивом целого ряда ключевых документов Евросоюза и, прежде всего, «Глобальной стратегии ЕС по внешней политике и политике безопасности», где стрессоустойчивость определена как «способность государств и обществ реформироваться, тем самым сохраняя себя и восстанавливаясь после внешних и внутренних кризисов»¹. Концепция примечательна тем, что соединяет воедино и вопросы безопасности, и нормативную компоненту, и развитие: «Стрессоустойчивое государство — это безопасное государство, а безопасность – это ключевое условие процветания и демократии. Но и обратная логика также справедлива...»². Данная категория также мыслится через движение и существенно переформатирует пространственно-временную топикку: «ЕС и его государства-члены подвержены многим факторам структурного давления, которое испытывает на прочность их стрессоустойчивость... *построение* более стрессоустойчивого окружения – это часть ответа [ЕС на это давление]»³, то есть, полная стрессоустойчивость недостижима, речь всегда идет о процессе ее накопления, укрепления, развития. Причем разные регионы обладают, по мнению Брюсселя, разным запасом этого ресурса: «...в интересах наших граждан инвестировать в стрессоустойчивость государств и обществ на *Востоке до Средней Азии*, а также на *Юге до Центральной Африки*... жизненно важно повысить стрессоустойчивость стран *Западных Балкан и Турции*»⁴. Иными словами, логика эквивалентности и различия, включения и исключения, функционирует отныне не только по оси демократии и ее атрибутов, но и стрессоустойчивости. Через нее же осмыслиется отныне и место России на новой карте мира: «Мы не признаем незаконную аннексию Россией Крыма и не принимаем дестабилизацию Восточной Украины. Мы будем укреплять ЕС, *повышать стрессоустойчивость* наших восточных соседей...»⁵. В то время как страны Восточной Европы в рамках фигуры «движения» находятся внутри процесса построения стрессоустойчивости под надзором ЕС, Россия вынесена вовне в качестве угрозы и противопоставлена ему. Главным сторонником повсеместного внедрения термина можно считать Высокого представителя ЕС Ф. Могерини, которая ожидаемо сформулировала свои 5 тезисов в отношениях с Россией также через призму стрессоустойчивости в различных сферах: «Третье, укрепление стрессоустойчивости ЕС, в особенности, применительно к энергетической безопасности, гибридным угрозам и стратегической коммуникации...»⁶. На одном полюсе бинарной оппозиции расположена стрессоустойчивость Союза, на другом – означающие «Россия» и «угрозы» разного спектра от информационной до энергетической. «Трения между Москвой и Киевом... содержат риск *потери* Украиной ее *стрессоустойчивости* как независимой страны на ее сложном пути к демократии...»⁷, – пишут Н. Точчи и Н. Михелидзе на страницах газеты «Politico Europe» после Керченского инцидента в 2018 г. В рамках цепи эквивалентности в одном ряду оказываются означающие «стрессоустойчивость», «независимость», «демократия». Причем, если Украина помещена внутрь полити-

¹ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016) *Official Site of the European Union External Action Service* [Online]. Available at: URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (Accessed: 25 November 2019).

² Ibid.

³ A Strategic Approach to Resilience in the EU's External Action. Joint Communication to the European Parliament and the Council (2017) *Official Site of the European Union External Action Service* [Online]. Available at: URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/join_2017_21_f1_communication_from_commission_to_inst_en_v7_p1_916039.pdf (Accessed: 25 November 2019).

⁴ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016) *Official Site of the European Union External Action Service* [Online]. Available at: URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (Accessed: 25 November 2019).

⁵ Ibid.

⁶ Mogherini, F. (2016) 'Remarks by High Representative/Vice-President Federica Mogherini at the press conference following the Foreign Affairs Council'. *Official Site of the European Union External Action Service* [Online]. Available at: URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/5490/remarks-by-high-representativevice-president-federica-mogherini-at-the-press-conference-following-the-foreign-affairs-council_en (Accessed: 25 November 2019).

⁷ Mikhelidze, N., Tocci, N. (2018) 'Europe's Russia sanctions are not working. Clash in the Sea of Azov shows need for new approach to Moscow', *Politico Europe* [Online]. Available at: URL: <https://www.politico.eu/article/europe-russia-sanctions-are-not-working-ukraine-azov-sea-kerch-strait-vladimir-putin/> (Accessed: 25 November 2019).

ческого сообщества в качестве участника движения, то Россия лишь представляет угрозу данному процессу и вынесена вовне.

Заметим, что Брюссель в «Глобальной стратегии...» признает взаимозависимость с Россией в плане экономики и международной безопасности, однако фигура «движения» никогда и не предполагает тотального исключения. Это очевидно на примере Ирана, который, судя по документу, даже улучшил свои позиции в неолиберальной гегемонии после введения категории стрессоустойчивость: «Основываясь на ядерной сделке Ирана и ее реализации, мы будем также *постепенно вовлекать* Иран в кооперацию по таким областям, как торговля, исследования, окружающая среда... Это будет *углублять диалог*... по региональным конфликтам, правам человека и борьбе с терроризмом»¹. Оценивая масштабы влияния концепции стрессоустойчивости на внешнюю политику ЕС, Е. Павлова и Т. Романова указывают на существенные изменения в видении Брюсселем нормативной карты мира. Особняком стоит ядро мир-системы – Запад – который уже достиг определенного уровня стрессоустойчивости и способен помогать соседям. Ярким примером полупериферии можно назвать ближайшее окружение Европы («Восток» и «Юг» в документах ЕС). Эти страны и регионы движутся в направлении обретения стрессоустойчивости благодаря помощи Евросоюза. Наконец, территория периферии видится почти исключительно как источник угроз и рисков для стрессоустойчивости ядра и полупериферии (Романова и Павлова, 2019). Здесь располагаются неудавшиеся государства Африки, другие нестабильные точки на карте и, к сожалению, Россия, подрывающая, по мнению Брюсселя, стрессоустойчивость стран Восточного партнерства. Несложно заметить изменение дискурсивной позиции РФ в новой версии структуры мир-системы в ее западной интерпретации.

Заключение

Итак, дискурс-анализ показал, что Евросоюз активно прибегает к ориенталистскому историцизму для формирования темпорального и пространственного измерения идеологической карты мира. Государства, которые становятся объектом такого дискурсивного конструирования, активно воспринимают паттерны, навязываемые Западом. Центральным элементом реализации историцизма и ориентализма становится дискурсивная фигура «движения», в соответствии с которой все страны и регионы стремятся к идеологически установленному образцу либеральной демократии западного типа. Все это задает определенную структуру мир-системы, где выделяется ядро, полупериферия и периферия. В зависимости от темпов движения государства и регионы подвергаются разной степени включения в европейскую и западную идентичность, увязанную с категориями демократии и стрессоустойчивости. Подобный ход отчетливо наблюдается при дискурс-анализе нормативного взаимодействия России и ЕС. До введения категории стрессоустойчивости РФ занимала позицию в полупериферии, причем в начале 2000-х – в ее авангарде. Однако на обновленной нормативной карте мира Россия переходит на уровень периферии как угроза стрессоустойчивости ЕС и его Восточных партнеров, движение вперед в рамках историцистской топике замедляется, а логика исключения доминирует над логикой включения. В рамках этой старой структуры, но нового содержания неолиберальной гегемонии, одни страны, подобно России, ухудшают свое положение, другие, например, Иран, существенно его улучшают.

В подобных обстоятельствах три вывода достойны упоминания. Во-первых, само ранжирование такого рода со стороны Евросоюза является, несомненно, дискриминационным, так как представляет собой форму историцизма и ориентализма. Они, в свою очередь, осуждены большей частью академического мира как типы мировоззрения, упрощающие социальную действительность и элементарно опасные в политическом праксисе. Для их выявления и критики могут быть полезны различные постколониальные подходы. Во-вторых, все новые и новые стандарты соответствия идеологическому образцу вроде категории стрессоустойчивости лишь закрепляют вышеупомянутую структуру, делают ее все менее инклюзивной. В-третьих, это, тем не менее, предоставляет России окно возможностей для выхода из подобной структуры, ведь в новой конфигурации дискурса ЕС Москва уже не может даже надеяться на приближение к неолиберальным образцам. К сожалению, сегодня признаков выхода России из европоцентристской топике почти не наблюдается. Думается, что будущие исследования могут сосредоточиться на эволюции фигуры «движения» в новых условиях в ев-

¹ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016) *Official Site of the European Union External Action Service* [Online]. Available at: URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (Accessed: 25 November 2019).

ропейском и российском дискурсе, а также на том, как логика включения и исключения по линиям демократизации и стрессоустойчивости взаимодействуют друг с другом. Именно эти аспекты будут особенно важны для формирования карты символических пространств и определения места России на ней.

Финансовая поддержка

Исследование является частью проекта "Концепция стрессоустойчивости (resilience) Европейского союза: артикуляция и ее последствия для России" Российского научного фонда (№ 17-18-01110).

Библиографический список

- Морозов, В. Е. (2009) *Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества*. Москва: Новое литературное обозрение. [Morozov, V. E. (2009) *Russia and the Others: Identity and Limits of the Political Community* [Rossija i Drugie: identichnost' i granicy politicheskogo soobshhestva]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)].
- Нойманн, И. (2004) *Использование "Другого": образы Востока в формировании европейских идентичностей*. Москва: Новое издательство. [Neumann, I. (2004) *Uses of the Other: "The East" in European Identity Formation* [Ispol'zovanie "Drugogo": obrazy Vostoka v formirovanii evropejskikh identichnostej]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)].
- Поппер, К. (1993) *Нищета историзма*. Москва: Прогресс. [Popper, K. (1993) *The Poverty of Historicism* [Nishheta istorizma]. Moscow: Progress. (In Russ.)].
- Романова, Т. А. (2017) 'Категория "Стрессоустойчивость" в Европейском союзе', *Современная Европа*, 76(4), сс. 17–29. [Romanova, T. A. (2017) 'The "Resilience" notion of the European Union' [Kategorija "Stressoustojchivost" v Evropejskom Sojuze], *Sovremennaja Evropa*, 76(4), pp. 17–29. (In Russ.)].
- Романова, Т. А., Павлова, Е. Б. (2019) 'Стрессоустойчивость в Евросоюзе и Россия: суть и перспективы новой концепции', *Мировая экономика и международные отношения*, 63(6), сс. 102–109. [Romanova, T. A., Pavlova E. B. (2019) 'Resilience in the European Union and Russia: Essence and Perspectives of the New Concept' [Stressoustojchivost' v Evrosojuze i Rossija: sut' i perspektivy novoj koncepcii'], *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 63(6), pp. 102–109. (In Russ.)].
- Хантингтон, С. (2003) *Третья волна. Демократизация в конце XX века*. Москва: РОССПЭН. [Huntington, S. (2003) *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century* [Tret'ja volna. Demokratizacija v konce XX veka]. Moscow: ROSSPJeN. (In Russ.)].
- Chakrabarty, D. (2000) *Provincializing Europe: Postcolonial thought and historical difference*. Princeton: Princeton University Press, 2000.
- Dunn Cavelty, M., Kaufmann M., Søby Kristensen K. (2015) 'Resilience and (in) security: practices, subjects, temporalities', *Security Dialogue*. 46(1), pp. 3–14.
- Holling, C. S. (1973) 'Resilience and stability of ecological systems', *Annual Review of Ecology and Systematics*, 4(1), pp. 1–23.
- Laclau, E., Mouffe, C. (2001) *Hegemony and socialist strategy: towards a radical democratic politics*. London: Verso.
- Makarychev, A. (2015) 'A New European disunity: EU–Russia ruptures and the crisis in the common neighborhood', *Problems of Post-Communism*, 62(6), pp. 313–315.
- Rostow, W.W. (1956) 'The take-off into self-sustained growth', *The Economic Journal*, 66(261), pp. 25–48.
- Said, E. W. (1995) *Orientalism: Western conceptions of the Orient*. London: Penguin.

Информация об авторе

Коцур Глеб Владиславович – аспирант кафедры Европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: glebk17@gmail.com (ORCID: 0000-0003-4079-264X. ResearcherID U-6214-2017).

Статья принята к печати: 30.06.2020

**THE DISCURSIVE FIGURE OF “TRANSITION” AND RESILIENCE
AS THE PILLARS OF SYMBOLIC MAPPING: THE CASE OF THE NORMATIVE
INTERACTION BETWEEN RUSSIA AND THE EU**

G. V. Kotsur

St. Petersburg State University

Abstract

The normative interaction between Russia and the EU is a significant component of foreign policy for both Moscow and Brussels. It reflects important general patterns of the symbolic interaction between the West and the rest of the world. The theory of hegemony of E.Laclau and C.Mouffe and post-Marxist discourse analysis show that the European symbolic mapping today is based on historicism and orientalism, embodied in the discursive figure of «transition». The situation has changed recently after the emergence of the «resilience» notion (as the ability of states and societies to adapt to turbulence) in the neoliberal hegemony of the EU. The interpretation of this concept by the EU directly links it with the normative component: only liberal democracies can be resilient in the long run. This approach fills the previous structure of the symbolic political map with the new content – some countries are subject to more exclusion. For instance, Russia moves from its conditional semi-peripheral position to the peripheral one that threatens the resilience of the EU and its Eastern partners. Nevertheless, this position of an outsider in the official discourse of the EU provides Russia with the unique opportunity to come out of the Western-centered historicist pattern.

Keywords: the EU-Russia relations; figure of «transition»; historicism; orientalism; discourse; international norms; identity; resilience; the European Union.